

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-532-548>

<https://elibrary.ru/XININA>

ПОДГОТОВКА К ИЗДАНИЮ ДНЕВНИКА ИРИНЫ КНОРРИНГ

© 2024 г. И.М. Невзорова

Аннотация: В статье раскрыты основные направления работы при подготовке к изданию дневника поэта Ирины Николаевны Кнорринг (1906–1943), отражающего мирную жизнь в Харькове, революцию, беженство, эмиграцию в Тунисе (1920–1925) и Франции (1925–1940). Подготовка включала в себя: проверку текста по рукописному источнику, перевод французского текста, комментирование текста с целью преобразования случайных записей в источник достоверной информации, вписанной в исторический и литературный контексты; составление Аннотированного указателя имен (он включил около 1400 персоналий). Главная особенность комментирования дневника как литературного документа — большой объем работы библиографического характера. Дневник вышел в виде двухтомника.

Ключевые слова: Ирина Кнорринг, дневниковая проза, русская эмиграция во Франции и Тунисе, Севастопольский морской кадетский корпус, Союз русских писателей и поэтов в Париже.

Информация об авторе: Ирина Михайловна Невзорова — историк русской эмиграции, литературовед, член Союза писателей России, ул. Большая Никитская, 50а/5, стр. 1, 125009 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-1440-2894>

E-mail: irinanev@mail.ru.

Для цитирования: *Невзорова И.М.* Подготовка к изданию дневника Ирины Кнорринг // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 532–548.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-532-548>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

IRINA KNORRING'S DIARY: PREPARING FOR PUBLICATION

© 2024. Irina M. Nevzorova

Abstract: The purpose of the article is to show the main directions of work for preparing the publication of the poet Irina Nikolaevna Knorring's Diary (1906–1943), peaceful life in Kharkov, Russian revolution, immigration, Tunisian period (1920–1925) and French period (1925–1940). The preparation included: 1) checking the text according to handwritten sources (special attention was paid to the francicisms and the French text translation), 2) making comments on the text in order to transform random notes into a source of reliable information inscribed in the historical and literary contexts, 3) compiling the Annotated Index of Names (total 1400 persons). The main feature while commenting on the Diary as a *literary* document is a large amount of bibliographic work. The diary was published as a two-volume edition.

Keywords: Poet Irina Knorring, diary prose, Russian emigration in France and Tunisia, Sevastopol Naval Cadet Corps, Union of Russian Writers and Poets in Paris.

Information about the author: Irina M. Nevzorova, historian of Russian emigration, literary critic, member of the Russia Writers' Union, Bolshaya Nikitskaya St., 50a/5, bld. 1, 125009 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-1440-2894>

E-mail: irinanev@mail.ru

For citation: Nevzorova, I.M. Irina Knorring's Diary: Preparing for Publication. *Emigrantica*. Issue 1: In memory of Oleg Korostev, ed.-comp. E.R. Ponomarev, ed. E.R. Ponomarev, M. Schruba, manag. ed. M.S. Shchavlinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 532–548. (In Russian)
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-532-548>

Ирина Николаевна Кнорринг (в браке Софиева) родилась 21 апреля 1906 г. в селе Елшанка Самарской губернии. С 1907 г. семья жила в Харькове. Стихосложением Ирина начала заниматься с пяти лет: в детстве она играла в сочинение стихов; по мере взросления «взрослели» ее стихи. Правилам стихосложения научил ее отец¹, он же был и первым ее критиком.

Дневник Ирина начала вести в 1917 г. (в 11 лет) и продолжала практически всю свою недолгую жизнь. В *Дневнике*, вышедшем в издательстве «Аграф» в виде двухтомника [6], «зашита» дальнейшая биография поэта.

Первый том включает в себя записи 1917–1926 гг., второй — 1926–1940 гг. и справочный аппарат: Комментарии, Аннотированный указатель имен (около 1400), Библиографию.

Том 1:

— последние мирные годы в Харькове, воспоминания о родовой усадьбе Кноррингов в Елшанке Самарской губернии, где семья проводила отпускное время;

— «первый большевизм», пережитый в Харькове («Улица ворвалась в школу» [7, с. 224–229] — вот в чем для директора классической мужской гимназии Н.Н. Кнорринга выразился приход новой власти);

— хроника беженства от «второго большевизма» на юг России: Ростов, Туапсе, Керчь, Симферополь и, наконец, Севастополь, где Н.Н. Кнорринг был принят преподавателем истории в Севастопольский морской кадетский корпус, в составе которого 13 ноября 1920 г. на броненосце «Генерал Алексеев» Кнорринги покидают Россию;

— ежедневный быт кадет и преподавателей корпуса в Сфаяте²;

— недолгое пребывание Ирины в пансионе католического монастыря во имя Сионской Божьей Матери в Бизерте;

— обучение в Русском морском кадетском корпусе (заочно), получение аттестата зрелости;

— таяние русской колонии в Бизерте (отъезд в Европу) и закрытие корпуса;

— переезд семьи Кнорринг во Францию (май 1925 г.), знакомство с членами Союза молодых поэтов и писателей в Париже.

Том 2:

— литературная жизнь русского Парижа, Тургеневская библио-

¹ Кнорринг Николай Николаевич (1880, с. Елшанка Самарской губернии — 1967, Алма-Ата) — историк, педагог, писатель, деятель культуры.

² Сфаят — форт к югу от Бизерты, где располагался кадетский корпус.

тека (место работы Н.Н. Кнорринга), учеба во Франко-русском институте и пр.;

— эмигрантские будни, работа *поэта* в вышивальных и кукольных мастерских, начало болезни;

— замужество, рождение и воспитание сына;

— конец мирного Парижа, начало войны, оккупация Франции, мобилизация мужа.

Приехав во Францию, Кнорринги включились в общественную и культурную жизнь «русского Парижа». Ирина стала членом только создающегося Союза молодых поэтов и писателей в Париже, первым председателем которого был Ю.К. Терапиано (первая парижская влюбленность Ирины, ему посвящены стихи и строки *Дневника*).

К тому времени Ирина уже имела несколько поэтических публикаций в журналах «Звено», «Студенческие годы», «Своими путями» и в газете «Последние Новости» [6, т. 1, с. 578, 582–585]. Из *Дневника* мы узнаем, что стихи «Забывать нас стали там, в России...», опубликованные в журнале «Своими путями», редактировала Марина Цветаева; она их «невозможно поправила» [6, т. 1, с. 495].

Дневник отражает видимые и невидимые события в жизни автора; впечатления от встреч и выступлений Б.К. Зайцева, Г.В. Адамовича, М.И. Цветаевой, А.М. Ремизова, Тэффи и др.; мысли и чувства как тропинки «вызревания» стихов.

В 1928 г. Ирина вышла замуж за поэта Юрия Софиева, в 1929 г. родился сын Игорь³. Семейная и литературная жизнь Ирины шла параллельно с прогрессирующей болезнью (в 1927 г. ей был поставлен диагноз — «сахарная болезнь»).

За два года до смерти Ирина перестала вести *Дневник*. Почему? Ей было известно, что максимальный срок, отведенный врачами диабетикам, — 12 лет, она прожила 15. Последние два года пришлось на войну и оккупацию Парижа (о диете не могло быть и речи), большую часть времени Ирина находилась в госпитале.

Что произошло за эти два года (1941–1942 гг.), оставшиеся «за кадром»? Юрий Софиев после фактического роспуска французской армии стал членом движения Сопротивления. Сопротивленцем был и Н.Н. Кнорринг, участвуя в спасении архива И.А. Бунина и других писателей [4, с. 548–554]. Одновременно родные ухаживали за Ириной, добывали пропитание, воспитывали Игоря.

³ Софиев Игорь Юрьевич (1929, Париж – 2005, Алматы) — переводчик, мемуарист.

Умерла Ирина Кнорринг 23 января 1943 г. Была похоронена на кладбище Иври, 7 декабря 1965 г. перезахоронена на русский участок кладбища в С.-Женевьев-де-Буа.

Подготовку к изданию дневниковых тетрадей Ирины Кнорринг начал ее отец после возвращения на родину в конце 1955 г., переводя рукопись в машинопись. С появлением компьютеров невестка Ирины Кнорринг — Надежда Михайловна Софиева-Чернова (поэт и прозаик, хранительница архива Софиевых-Кноррингов) перевела текст из машинописного вида — в цифровой. В 2006 г. она познакомилась с автором статьи, в то время — сотрудником Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (ныне Дом русского зарубежья им. А. Солженицына) и обратилась с просьбой расшифровать фрагменты текста и прокомментировать его.

Несколько слов об особенностях *Дневника*. Ирина Кнорринг имела уникальный бисерный почерк (высота букв 1,5 мм, Н.Н. Кнорринг работал с лупой), а также привычку писать сразу набело, без черновиков, без помарок и правки. Если все же изменение хода мысли требовало исправить текст (хотя бы согласовать падежи), автор двигался дальше, не останавливаясь на «мелочах», что приводило к неоднозначной семантике.

В *Дневнике* присутствует французский текст (реплики и диалоги, названия организаций и объявления), французские имена и адреса; много галлицизмов: «пикюр» (*la pique, фр.* — укол), «авийон» (*l'avion, фр.* — самолет, налет), «алерты» (*l'alerte, фр.* — воздушная тревога) и пр. Рабочий перевод с французского, необходимый для комментирования текста, выполнен автором статьи. Корректорами перевода выступили главный редактор издательства «Аграф» А.В. Парин и А.А. Бессонова.

Работе над *Дневником* предшествовало участие автора статьи в проекте «Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1975: Франция» в 8-ми томах [5], построенном на материале русской периодической печати во Франции (далее *Хроника*). В газете «Последние Новости» встречались печальные, тихие, но пронзительные стихи поэта Ирины Кнорринг. Иногда ее имя упоминалось в вечерах Союза молодых писателей и поэтов в Париже и в ежегодных больших поэтических вечерах.

При работе над *Хроникой* автору статьи, кроме непосредственно сбора архивного материала, посчастливилось быть составителем Топографического, Адресного, Тематического и Именного указателей. Именно «посчастливилось», так как впоследствии все упоминавшиеся в *Дневнике* Ирины Кнорринг (и часто записанные ею весьма

небрежно) названия и адреса русских организаций в Париже (благотворительных, творческих, профессиональных, общественных) удавалось «вычислять» благодаря тому, что определенная база данных уже была сформирована. Кроме того, учреждения и комитеты нередко меняли название и адрес.

В *Дневнике* (как и в *Хронике*) имело место огромное количество разночтений — в написании имен, званий, должностей, а также дат. Многие имена, встреченные впоследствии в *Дневнике* Ирины Кнорринг (русских общественных деятелей и артистов, меценатов и членов императорской фамилии, начинающих литераторов и практикующих врачей, адвокатов и т. д.) были уже «на слуху». Среди них — большое количество однофамильцев, записанных без инициалов (как в прессе, послужившей основой *Хроники*, так и в *Дневнике*), ведь современники Ирины Кнорринг прекрасно понимали, о ком идет речь, если известен контекст. Таким образом, большая часть событий и мероприятий (религиозного, политического, философского, литературного, музыкального характера), наполнявших будни русских эмигрантов в Париже и других регионах Франции, увиденных глазами корреспондентов консервативной и либеральной газет — «Возрождения» и «Последних Новостей» (главные источники для *Хроники*) — и по-своему отраженных в *Дневнике*, были известны, имели точную датировку и место их проведения.

В результате была значительно упрощена задача идентификации обществ и персоналий. *Хроника* стала ключом к расшифровке многих записей Ирины Кнорринг. А комментирование *Дневника*, в свою очередь, явилось иллюстрацией применения собранных в *Хронике* сведений.

С другой стороны, параллельно с комментированием *Дневника* подвергалась правке и сама *Хроника*; при этом автор статьи апеллировал к записям Ирины Кнорринг, имевшей репутацию человека и поэта, не умеющего приукрашивать или искажать факты, отличающегося пунктуальностью и литературной честностью (возможно, давала о себе знать ее немецкая кровь: по отцовской и материнской линиям Ирина происходила из семей обрусевших немцев — Кноррингов и Розентретеров).

Для комментирования же иных дневниковых записей были подняты целые исторические пласты, касающиеся истории Франции и ее протектората (так как в *Хронике* представлены события, происходившие в среде русских эмигрантов; но события собственно французской жизни, на которые они остро реагировали, отражены по минимуму).

В составлении Аннотированного указателя имен был весьма полезен архив *Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей*, который автор статьи в то время обрабатывал (БФРЗ, ф. 13), а точнее — досье соискателей стипендии. Комитет часто называют Федоровским комитетом, по имени его руководителя М.М. Федорова. Каждое досье содержало анкету с биографическими данными соискателя [3]. Анкеты послужили надежной справочной информацией и при комментировании *Дневника* Ирины Кнорринг, окруженной молодежью как в Бизерте, так и в Париже. Кадетам, гардемаринам, поэтам посвящены строки *Дневника* и стихи.

Дневник Ирины Кнорринг погружает читателя в атмосферу полунищей, но творчески богатой жизни русских беженцев. Как исторический документ он является весомым свидетелем классового, политического, материального и духовного расслоения и многообразия русской эмиграции, ее солидарности и противостояния. Благодаря *Дневнику* были обнаружены новые очаги общественной, культурной и бытовой жизни русских эмигрантов — в Тунисе и во Франции. Назовем некоторые из них.

1. Летопись будней и «таяния» русской колонии в Бизерте и Сфаяте. Пунктирные записи Ирины Кнорринг в совокупности с документами упомянутого выше архива Федоровского комитета дают возможность также обозреть картину огромной работы, проведенной русскими общественными организациями совместно с частными жертвователями и правительством Франции для изыскания средств на обучение русской молодежи с целью интеграции ее в качестве специалистов высшей категории в страны, давшие ей приют.

2. Традиция — «прием в сыновья». Многие кадеты в Сфаяте, совсем мальчишки, при эвакуации из России были разлучены с родителями. Тогда сфаятские семьи их «принимали в сыновья». «Сыновья» были и в семье Кнорринг. В *Дневнике* Ирины — яркие рассказы о дружбе с кадетами; о том, как их приглашала к обеду и ужину ее мать Мария Владимировна (1881–1954) и заботилась о них; как они проказничали, ухаживали за Ириной. Судя по *Дневнику*, много лирических стихов родилось по следам сфаятских прогулок и встреч.

3. Один из просоветских очагов — усадьба Б.А. Подгорного⁴ в Эрзувиле. Здесь собирались члены и будущие члены Союза возвращения на Родину. Там отдыхали семьи русских эмигрантов, проходила

⁴ Подгорный Борис Афанасьевич (ок. 1878–1937, Эрзувиль, Франция) — московский адвокат, присяжный поверенный.

советская агитация и вербовка новых членов агентами советских органов. В *Дневнике* Ирина Кнорринг много взволнованных строк посвятила сотрудничеству ее мужа с Сергеем Эфроном и другими членами Союза возвращения на родину.

Заметим, что параллель между судьбами супругов Софиевых и Эфрон поразительна: «Я говорю, что Игоря надо натурализовать во Франции и сделать это немедленно же. Юрий говорит, что надо ему добыть советское гражданство... А для этого, прежде всего — самое тесное сближение с советской колонией — Тверетиновыми, Эйснером и др., со всеми последствиями, которые отсюда вытекают — вплоть до шпионажа, доносов и т. д. Чтобы иметь доступ в Россию — нужно выслужиться. Для себя я это нахожу совершенно неприемлемым... Юрий после каждого советского фильма приходит совершенно обсоветченный. Все хорошо, и колхозы, и ребятишки, и авиация, и утки на болоте, и музыкальные школы, и парады... Сама я в Россию не поеду, но Игоря отдам отцу... Но в тот же день, когда он уедет, я кончу самоубийством», — запись в *Дневнике* Ирины Кнорринг от 5 декабря 1938 г. [1, с. 208–234; 2; 6, т. 2, с. 364–365].

«Моя жизнь переламяется пополам... С<ергея> Я<ковлевича> держать здесь дольше не могу... Мур там будет счастлив. Но — сохранит ли душу живую (всю!)... В Москве жить я не могу: она — американская (точный отчет сестры)», — из письма М. Цветаевой к А. Тесковой от 29 марта 1936 г. [11].

Зная о просоветской деятельности во Франции Ю. Софиева как члена Союза возвращения на родину мы иначе прочитываем восторженные дневниковые записи Ирины о велосипедных путешествиях (их маршруты вычисляются благодаря тому же Топографическому указателю к *Хронике*, где обозначены и русские колонии). Из рукописной автобиографии Ю. Софиева: «С 1936 г. по настоящее время состою членом франц<узского> спортивного общества «Друзья природы» (Les Amis de la Nature), созданного фр<анцузской> коммунистической партией, так как активно занимаюсь велосипедным туризмом и каждый год, во время месячного отпуска, совершаю путешествие на велосипеде по Франции (1500–2000 км.) и, таким образом, имею возможность вести беседы с фр<анцузскими> товарищами о моей сов<етской> родине» (около 1947 г.)⁵.

4. Спектр различных мастерских — швейных, вышивальных, кукольных («одевание» кукол), модного платья и пр. Этим рукоеслом много лет зарабатывала мать Ирины. Сама же поэтесса подолгу

⁵ Архив Софиевых-Кноррингов.

нигде не задерживалась, так как владельцы мастерских были недовольны ее работой, она же — мизерной платой и потерей времени на освоение «киевского шва» и других секретов мастерства. Множество стихов поэта отражают это состояние бессмысленности и безысходности. Однако благодаря тому, что автор *Дневника* обозревал свои неудачные походы по мастерским в вечерних записях, до нас дошли их названия и фамилии русских состоятельных дам, собирающих вокруг себя неимущих русских женщин; обрисован характер их взаимоотношений.

5. Медицинская тематика. В связи с тем, что Ирина Кнорринг была больна сахарным диабетом, в *Дневнике* много информации о французской медицине, о русских практикующих врачах, о русских и французских благотворительных учреждениях. Постоянно сетуя в *Дневнике* на нехватку денег (на одежду, учебники сыну и т. д.), Ирина ни разу не упомянула о ценах на лекарства и медицинские услуги, хотя постоянно делала «пикюры» и периодически ложилась в госпиталь. Лечение для нее было бесплатным (она состояла на специальном учете). Кроме того, Ирина нередко обращалась в различные комитеты за помощью (для лечения и санаторного отдыха сына), и эта помощь ей предоставлялась. Организации и комитеты, записанные в *Дневнике* весьма небрежно, удалось идентифицировать лишь благодаря Тематическому указателю *Хроники*: Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор), Комитет помощи писателям и ученым, французский Комитет помощи русским под руководством монсиньора Шапталя. И, наконец, Российское общество Красного Креста (РОКК), под эгидой которого действовали десятки комитетов; среди них — Комитет русских мастерских «Увруары»⁶, основанный княгиней Верой Кирилловной Мещерской (урожд. Струве; 1876–1949), куда также обращалась дворянка И.Н. Кнорринг в поисках работы.

6. *Дневник* позволил открыть новые имена и идентифицировать ряд персоналий. Среди них — почитательница и знакомая И.А. Бунина из Ревеля Клавдия Пассек (Караша), приехавшая в Париж погостить к соседке Ирины Кнорринг. И.А. Бунин, как известно, благосклонно относился к молодым литераторам и любил проводить время среди почитавшей его молодежи. Вот один из пассажей Ирины Кнорринг: «В четверг в 2 часа ночи ходили с Юрием на Монпарнасс искать Карашку, чтоб передать ей ключ от дома: Юрий подбросил ее Бунину и ушел», — запись от 19 февраля 1938 г. [6, т. 2, с. 360].

⁶ *ouvroir* (фр.) — швейная мастерская.

Ю. Софиев вспоминает: «Как-то приехали из Ревеля и поселились у нашей соседки две девушки. Одна из них, Клавдия Пассек, красивая, весьма расторопная, общительная, к тому же оказалась околелитературной девицей, хорошо знавшей по журналам, газетам и книгам русских поэтов и писателей-парижан и жаждавшей познакомиться с ними лично. И, конечно, мечтала она познакомиться с И.А. Буниным... Бунин сидел в *Доме*, в обычной нашей литературной компании. Я представил ему Клавдию. “Пассек? — произнес Бунин. — Ну, давай ее сюда”. Раздвинули столики и протиснули Клаву к Бунину. Он усадил ее рядом с собой. Клава была счастлива! Через несколько дней, далеко за полночь, по нашей пустынной улице к дому подошла говорящая по-русски компания. Не зажигая света, я выглянул в окно. На улице стояли Бунин, под руку с Клавой Пассек, поэты В. Смоленский и Л. Кельберин. Клава крикнула свою подругу: “Женя, вставай, одевайся и спускайся скорей вниз! Мы с Иваном Алексеевичем пришли за тобой. Пойдем на Монпарнас, в Доминик”» [6, т. 2, с. 444].

Главная особенность комментирования *Дневника* Ирины Кнорринг как литературного документа — большой объем работы библиографического характера, так как автор много строк уделяет творчеству — своему и своих коллег (упоминание прочитанных строк, публикаций, выход книг и пр.)⁷. Поэтому отсутствие общей библиографической базы по Русскому зарубежью и росписи бóльшей части русских зарубежных периодических изданий — усложняло работу.

События в *Дневнике* «схвачены» глазами «самой интимной и камерной поэтессы Русского Зарубежья», «самого минорного, самого искреннего поэта русской эмиграции, но умеющего черпать радость в сем дне и сей минуте», — из характеристик Ирины Кнорринг. По признанию поэта, она искала в чужих стихах и пыталась выразить в своих «трепет минут», складывающихся в жизнь. «Трепет минут» передает и *Дневник* поэта.

По мнению критиков, в поэзии Ирины Кнорринг «угадываются два полюса: гармония и страдание». Эту характеристику можно проецировать и на *Дневник* поэта (это — «проза поэта»). Вот несколько свидетельств о перекличке двух жанров в творчестве Ирины Кнорринг.

Михаил Цетлин: «Стихи Ирины Кнорринг написаны с подкупающей правдивостью. Видно, что они писались не для читателя, а для

⁷ См. раздел Библиография [5, т. 2, с. 569–578].

себя, как пишут дневник женской души, знавшей много боли, прошедшей через горькие испытания эмиграции» [6, т. 1, с. 26];

Галина Кузнецова, с которой Ирина Кнорринг была дружна в первые годы по приезде в Париж, назвала ее стихи «дневником»: «женский лирический дневник» [6, т. 1, с. 506];

Юрий Терапиано назвал все поэтическое наследие Ирины Кнорринг «повестью о суровой прозе эмигрантской жизни, о беспощадном крушении надежд» [9, с. 108–110].

Дневник Ирины Кнорринг служит ключом к ее поэзии. Иные записи можно буквально «синхронизировать» с ее стихами. Один из примеров — впечатление от первого творческого вечера Марины Цветаевой в Париже (6 февраля 1926 г.). Спустя два дня были написаны стихи «Цветаевой»:

Целый день по улицам слонялась.
Падал дождь, закруживая пыль.
Не пойму, как я жива осталась,
Не попала под автомобиль.

На безлюдных, темных перекрестках
Озиралась, выбившись из сил.
Бил в лицо мне дождь и ветер хлесткий,
И ажан куда-то не пустил.

Я не знаю — сердце ли боролось,
Рифмами и ямбами звеня?
Или тот вчерашний женский голос
Слишком много отнял у меня?

8 февраля 1926 [6, т. 1, с. 602]

Спустя еще два дня появилась дневниковая запись:

«Был в субботу вечер Марины Цветаевой. С какими мыслями я шла? Не знаю, не помню... Я представляла ее прежде всего — вульгарной, а этого-то в ней и нет... Что она со мной сделала, чем так поразила — даже и не знаю. Голосом? Чтением? Жизнерадостностью? Простотой своей? Всем этим, вероятно... Ее стихи задевают меня, как-то глубоко входят, даже не стихи, а отдельные строки, выражения. И голос, голос! И окончательно она обезоружила меня стихотворением, посвященным Ахматовой, строками: “Чернокосынька моя, чернокнижница!” Я ушла совсем опустошенная. Словно она

отняла у меня самое дорогое. Да, она отняла у меня веру в себя», — запись от 10 февраля 1926 г. [6, т. 1, с. 526–527].

Тот факт, что Ирина «увезла с собой Россию», сказывается на ее языке: русский язык, «ариаднина нить», связывающая эмигрантов с пространством российской многонациональной культуры, «замер» на 1920 г. По мере взросления своего сына Ирина заботится о том, чтобы эта нить не порвалась, и удивляется тому, что, тратя силы на разговоры о «денационализации, о смене» и др., «никто не догадался составить хорошо букварь, понятный эмигрантским детям, растущим в Париже», — запись от 17 ноября 1935 г. [6, т. 2, с. 307.]

Читатель *Дневника* узнает Ирину Кнорринг как критика, прозаика, журналиста, а также редактора и корректора (она была секретарем Союза молодых поэтов и писателей в Париже и участвовала в издании первого поэтического сборника — «держала корректуру»). Критика Ирины Кнорринг, как и все ее творчество, лаконична, проста по форме, понятна брату-поэту. Автор *Дневника* сетует, что поэтам недостает «ахматовской черты» — краткости. Однажды она иронически записала: «Мне хлопали больше всех, да и не удивительно: за краткость» [6, т. 1, с. 504, 506].

Дневник содержит рассказы и новеллы Ирины Кнорринг. Они, как и стихи, построены на наблюдениях за собой и за событиями дня и размышлениях над ними. Еще в детстве она любила повторять за няней сказки, свое рассказывать — языком простым, народным, вплетая все диковинное, услышанное. Н.Н. Кнорринг вспоминал: «Ее няня знала много песен и всяких прибауток, которые и распевала у колыбели. Ирина прекрасно знала весь ее репертуар, и когда няня задремывала, то Ирина подсказывала слова песни. “Пошел по водичку, нашел молодичку”... Когда ей было года три-четыре, можно было в детской наблюдать такую картину: Иринка, окруженная детьми, что-то рассказывает с увлечением, фантазируя, и ее внимательно слушают не только дети» [7, с. 4]. Ирине Кнорринг было близко творчество И.Я. Билибина, чьи выставки она не раз посещала, и А.М. Ремизова, чье рисованное именное приглашение бережно сохранено в архиве поэта.

Дневник не дает забыть, что перед нами — поэт «парижской ноты», представленный прозой. Как известно, название новому поэтическому направлению дал Борис Поплавский; Георгий Адамович объяснил, каким должно быть мировоззрение поэтов этой «ноты» и как его выразить; теоретик и историк литературы Альфред Бем суммировал основные признаки этой «ноты»: сдержанность, приглушенные интонации, простота языка, тональность («отказ от надежды»).

Для Ирины Кнорринг приверженность «ноте» диктует поиск счастья в «настоящем», в раскрытии полноты (в том числе — полноты страдания) сей минуты — «трепет минуты».

«Я люблю мою тоску, потому что это — единственное, что есть во мне живого, что еще может чувствовать, переживать» [6, т. 1, с. 378], — проговаривается автор *Дневника*, обнажая тем самым движущую силу своего творчества. Видимо, именно эту высшую тоску, скорбь по утраченному раю, имеет в виду Осип Манделштам: «Что весь соблазн и все богатства Креза / Пред лезвием Твоей тоски, Господь?» («Змей», 1910). Близок автору *Дневника* и девиз героической души Людвига ван Бетховена: «Через страдание — к радости».

Вот некоторые отзывы о поэзии Ирины Кнорринг.

Анна Ахматова: «По своему высокому качеству и мастерству, даже неожиданному в поэте, оторванном от стихии языка, стихи Ирины Кнорринг заслуживают увидеть свет. Она находит слова, которым нельзя не верить. Ей душно, скучно на западе. Для нее судьба поэта тесно связана с судьбой родины, далекой и даже, может быть, не совсем понятной. Это простые, хорошие и честные стихи. Анна Ахматова. 18 февраля 1962, Комарово» [6, т. 1, с. 37–38].

Георгий Адамович: «У Ирины Кнорринг бесспорно есть поэтическое дарование, видна у нее и хорошая литературная выучка... Никакой позы в этих стихах, никакой “ходульности”... Без всякой иронии их можно было бы назвать “стихами ни о чем”. В этих изящных, стройных, чуть-чуть анемичных строфах еще нет жизни: есть только предчувствие ее. Стихи Кнорринг выражают нечто реальное, и, будучи “ни о чем”, они не бессодержательны. На книжке этой <“Стихи о себе”. — И.Н.> есть печать эмиграции, “эмигрантских будней» [6, т. 2, с. 429–430].

Владислав Ходасевич: «Кнорринг порой удается сделать “женскость” своих стихов нарочитым приемом — и это уже большой шаг вперед. Той же Ахматовой Кнорринг обязана чувством меры, известною сдержанностью, осторожностью — вкусом» [10].

Говоря о литературной преемственности Ирины Кнорринг, в первую очередь надо назвать имя А.П. Чехова. Достаточно проследить основные нравственные категории автора *Дневника*: страдание, труд, тоска, служение... счастье. Приведем два фрагмента:

«Я благословляю мою теперешнюю жизнь, когда я, как эмигрантка, унижена, когда я живу в тяжелых условиях, когда приходится заниматься черной работой. Если бы я сейчас опять попала в прежние условия, мне было бы стыдно; стыдно своего привилегированного положения; стыдно, что на меня кто-то бы работал, кто-то бы за меня

думал. Все это было раньше так гадко, так низко, так стыдно! И теперь мне хочется никогда в будущем не бросать черной работы, чтобы ни от кого не зависеть, и ни над кем не возвышаться. А ведь раньше никому и в голову не приходило, что надо самому себе стирать белье, самому за собой убирать. Это даже казалось чем-то унижительным, это должен был делать кто-то другой...» [6, т. 1, с. 288–289].

«Сегодня я счастлива; во-первых, потому, что, наконец, кончила и подала Домничу сочинение; во-вторых, взяла новый том Чехова; в-третьих, я свободна настолько, насколько мне этого надо, и могу делать, что хочу; в-четвертых, я читала весь вечер и могу читать много, много, всю библиотеку; в-пятых, моя мысль неограниченна, и я могу думать, думать без конца! Как мало надо для короткого счастья! И странно, что я чувствую его именно тогда, когда в нашей кабинке бывало тяжелое, подавленное настроение. У нас нет ни одного сантима, у Мамочки нет работы, Папа-Коля получает в месяц 34 фр<анка>, и у нас уже долгу в кооперативе около 25 фр<анков>» [6, т. 1, с. 318].

Автор Дневника не раз обращается к Чехову за поддержкой и оправданием; вспоминает его утверждение о том, что умственный труд важнее физического. «Чеховская» эстетика, не придуманная писателем, а лишь выявленная в людской природе, органически свойственна Ирине Кнорринг.

Название *Дневника* — «Повесть из собственной жизни» — переключается с чеховской мыслью о том, что жизнь человека есть лишь сюжет для небольшого рассказа. Трансформируя рассказ в повесть, автор *Дневника* наполняет сюжет (стержень) «собственными» днями. В преамбуле к *Дневнику* Ирина Кнорринг пишет: «В эту тетрадь я буду писать все, что только можно выразить чернилами и пером. Из отдельных дней у меня выйдет целая повесть — моя собственная повесть обо мне» [6, т. 1, с. 42].

Вот несколько свойств *Дневника*, убеждающих, что А.П. Чехов был главным ориентиром в творчестве Ирины Кнорринг:

— многочисленные повторы, «чеховский безнадежный круг»: «Прошло много времени, но мало интересного. Все так же скучно, как и этот мокрый день. Дни проходят однообразно. Определенной работы никакой нет...» [6, т. 1, с. 234], «Боюсь, что в работе над собой пройдет вся жизнь... Больше всего боюсь в будущем бесполезной, пустой и ненужной жизни...» [6, т. 1, с. 283];

— нет четкой границы между добром и злом, плохим и хорошим человеком; у автора *Дневника* нередка такая форма: «Не знаю, очень ли мне это нравится или очень не нравится...» [6, т. 1, с. 510];

— пристрастие к коротким формам (о них уже было сказано) и сдержанность: «Единственный мой новый плюс, приобретенный в последнее время, это то, что я стала сдержанней и суше. Больше нет трагических жестов и патетических выкриков. Пафос сменился иронией» [6, т. 1, с. 516];

— как чеховские сестры повторяют «В Москву, в Москву», Ирина Кнорринг, творя самообман, повторяет: «Если мы вернемся в Харьков...» [6, т. 1, с. 183].

Преимущества дневника перед иными видами эпистолярного творчества известны: он передает «температуру» событий, представленных здесь и сейчас; он позволяет осуществить регенерацию времени и реструктуризацию происходящих в нем событий; он служит комментатором и идентификатором иных «неопознанных» фактов, плавающих во времени и пространстве.

Введение в научный оборот *Дневника* Ирины Кнорринг, снабженного справочным аппаратом, послужит пополнению базы данных и станет одним из «пазлов» в освоении огромного мозаичного полотна под названием Русское Зарубежье.

Чем богаче и точнее комментирован дневник, тем он плотнее вписан в историю. А для этого необходима надежная библиографическая база, которая, в свою очередь, формируется по мере выхода в свет все новых образцов эпистолярного наследия, а также росписи всей русской эмигрантской периодики. Наличие такой обратной связи обязывает нас не терять ревности в освоении *Emigrantica*⁸.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Невзорова И.М.* Марина Цветаева: преддверье. Статьи и эссе. М.: Возвращение, 2019. 472 с.
2. *Невзорова И.М.* От Рустеберга до Елшанки: Очерки о России и Кноррингах. М.: Чеховский Печатный Двор. 2024. 576 с.
3. *Невзорова И.М.* «Хочу послужить России...»: По материалам архива Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей // «В рассеянии сущие...»: Культуроло-

⁸ Автор выражает благодарность Мунире Уразовой и Алексею Невзорову за помощь в оформлении статьи.

гические чтения «Русская эмиграция XX в.» (Москва, 15–16 февраля 2005 г.). Сб. докладов / отв. ред. И.Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. С. 83–102.

4. *Невзорова И.М.* Юрий Терапиано в годы Второй мировой войны // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва. 14–15 мая 2015 г. К 70-летию Великой Победы / сост. К.К. Семенов и М.Ю. Сорокина. М: Русский путь, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 534–564.
5. Русское Зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1975: Франция: в 8 т. / под ред. Л.А. Мнухина в сотр. с Т.Л. Гладковой, Т.И. Дубровиной, В.К. Лосской, И.М. Невзоровой, А.И. Серковым, Н.А. Струве. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1994–2002.

Источники

6. *Кнорринг И.Н.* Повесть из собственной жизни: Дневник: в 2 т. / подгот. текста Н.Н. Кнорринга, Н.М. Черновой; вступ. ст., коммент., аннотир. указ. имен И.М. Невзоровой. М.: Аграф, 2009, 2013. (Серия: Символы времени)
7. *Кнорринг Н.Н.* Записки историка, педагога и музыканта о России / подгот. текста, вступ. ст., послесл. И.М. Невзоровой. М.: Круг, 2014. 344 с.
8. *Кнорринг Н.Н.* Книга о моей дочери / подгот. текста Ю.Б. Софиева, Н.М. Черновой. Алма-Ата, 2003. 136 с.
9. *Терапиано Ю.К.* Встречи: 1926–1971 / вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент., указатели Т. Юрченко. М.: Intrada, 2002. 383 с.
10. *Ходасевич В.Ф.* Женские стихи (рубрика «Книги и люди») // Возрождение. 1931. 25 июня. № 2214. С. 3.
11. *Цветаева Марина.* Спасибо за долгую память любви... : Письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой. 1922–1939 / предисл., публ. писем и примеч. Г.Б. Ванечковой. М.: Русский путь, 2009. С. 294–295.

REFERENCES

1. Nevzorova, I. *Marina Tsvetaeva: preddver' e. Stat' i i esse [Marina Tsvetaeva: the Threshold. Articles and Essays]*. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2019. 472 p. (In Russian)
2. Nevzorova I. *От Rusteberga do Elshanki. Ocherki o Rossii i Knorringakh [From Rusteberg to Elshanka: Essays on Russia and the Knorrings]*. Moscow, Chekhovskii Pechatnyi Dvor Publ., 2024. 576 p. (In Russian)
3. Nevzorova, I. “Khochu posluzhit' Rossii...”: Po materialam arkhiva

- Tsentral'nogo komiteta po obespecheniiu vysshego obrazovaniia russkomu iunoshestvu za granitseï" ["I Want to Serve Russia...": Based on Materials from the Archive of the Central Committee for the Provision of Higher Education to Russian Youth Abroad]. "V rasseianii sushchie...", *Kul'turologicheskie chteniia "Russkaia emigratsiia XX v."* (Moscow, 15–16 fevralia 2005), *Sbornik dokladov* ["In Dispersion Existent ...": Culturological Readings "Russian Emigration of the XX Century." (Moscow, February 15–16, 2005). *Collection of Reports*], ed. by I. Beliakova. Moscow, Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi Publ., 2006, pp. 83–102 (In Russian)
4. Nevzorova, I. "Iurii Terapiano v gody Vtoroi mirovoi voiny" ["Iurii Terapiano during the Second World War"]. *Rossiiskaia emigratsiia v bor'be s fashizmom (Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia. Moscow. 14–15 maia 2015. K 70-letiiu Velikoi Pobedy* [Russian Emigration in the Fight against Fascism. International Scientific Conference. Moscow. May 14–15, 2015. To the 70th Anniversary of the Great Victory], eds by K. Semenov and M. Sorokina. Moscow, Russkii put' Publ., Dom russkogo zarubezh'ia imeni Alexandra Solzhenitsyna Publ., 2015, pp. 534–564. (In Russian)
 5. Mnukhin, L. et al., editors. *Russkoe Zarubezh'e: Khronika nauchnoi, kul'turnoi i obshchestvennoi zhizni: 1920–1975: Frantsiia: v 8 t.* [Russian Abroad: Chronicle of Scientific, Cultural and Public Life: 1920–1940. France: in 8 vols.]. Moscow, Paris, YMCA-Press Publ., Russkii put' Publ., 1994–2002. (In Russian)

Дата поступления статьи: 11 декабря 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 17 августа 2022 г.

Дата публикации: 07 октября 2024 г.

Received: December 11, 2021

Approved after reviewing: August 17, 2022

Date of publication: October 07, 2024